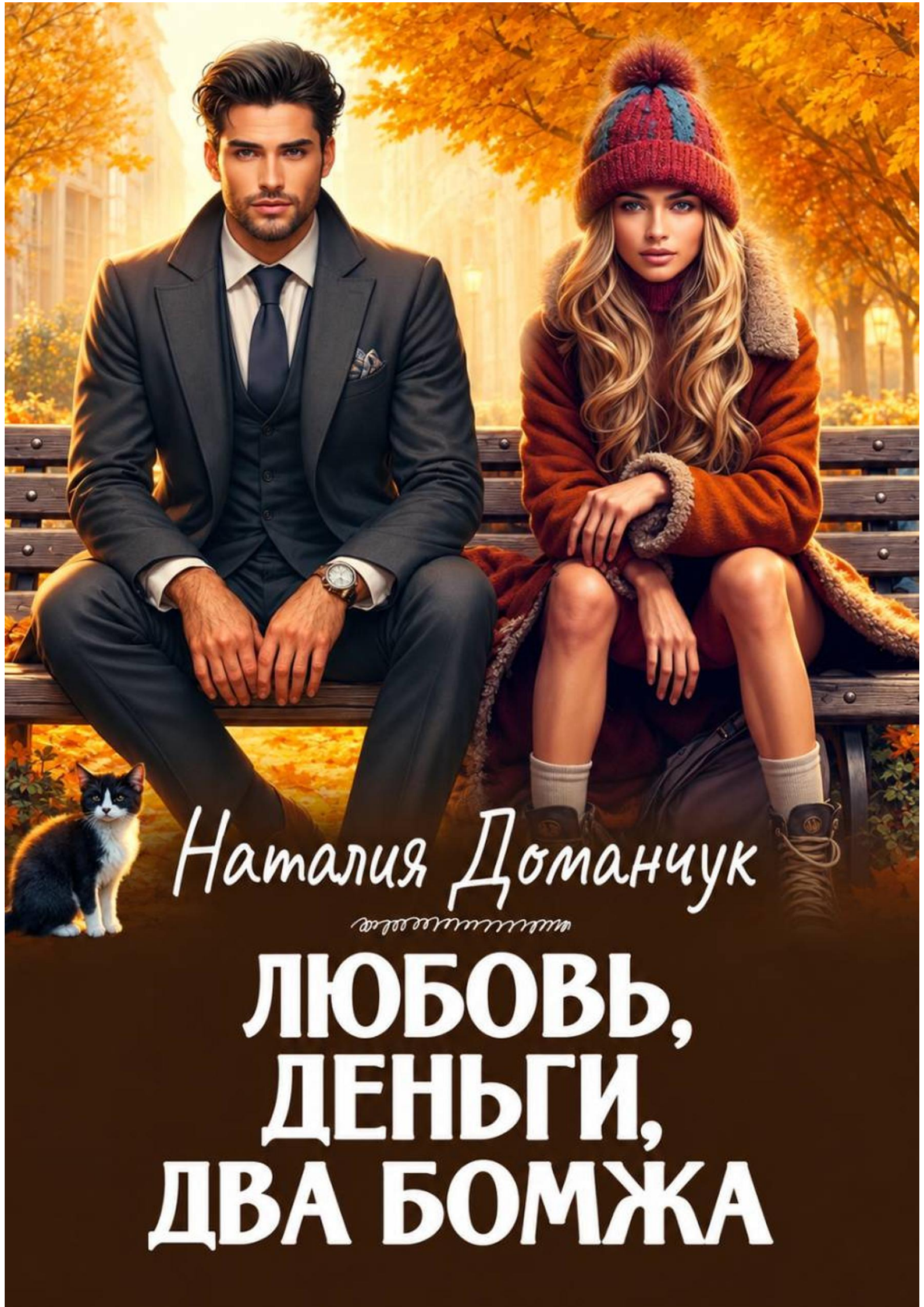




Наталья Доманчук

www.love.ru

ЛЮБОВЬ, ДЕНЬГИ, ДВА БОМЖА

Наталия Доманчук

Любовь, деньги, два бомжа

«Автор»

2026

Доманчук Н.

Любовь, деньги, два бомжа / Н. Доманчук — «Автор», 2026

АнноМодный психолог, которому я заплатила немалую сумму, заверил меня, что я исцелюсь от своего страха, если на месяц превращусь в бомжиху. И вот я сижу на лавочке с тремя мужчинами без определенного места жительства, и ко мне подкатывает крутой чувак – явно богатый и безумно красивый. Может, у него фетиш такой, и он любит женщин без макияжа и в одежде в стиле бохо? Или он просто болен, как я?

© Доманчук Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Доманчук

Любовь, деньги, два бомжа

Пролог

— Привет, — мужчина в костюме от Тома Форда подошел к лавочке, занятой мной и тремя бомжами, и спросил: — Нужна помощь?

Я проглотила последний кусочек хот-дога и помотала головой.

Не нужно мне сейчас никаких знакомств! Да и что вообще может связывать бомжиху и крутого бизнесмена?

— Мне кажется, что ты попала в затруднительную ситуацию, — мужчина явно не собирался сдаваться.

— У нас все хорошо, чувак! — вписался за меня Роман – мой новый друг.

— Я не тебя спросил, а девушку, — рыкнул незнакомец.

— А я за нее отвечаю! Это моя невеста! — выдал этот Роман.

Я такой испуганный взгляд на него бросила, что бизнесмен сразу понял, что все это вранье.

— Ладно, ребят, я вот что хочу предложить: а не пригласить ли вас в ресторан?

Я и моя обалденная компашка подняли на него изумленные глаза.

— Да не пустят нас в таком виде! — помотал головой Генка и показал руками на свое дырявое пальто.

— Давайте я вам новую одежду куплю? — не сдавался бизнесмен.

— Ты меценат, что ли? — спросила я.

— Благодетель, — произнес по слогам Генка, второй из троицы.

— Просто хочу сделать вам приятное, — не отставал незнакомец.

— Купи нам всем по квартире! — тыкнул в него указательным пальцем Роман.

— Можно и это обсудить, — спокойно ответил бизнесмен, а мы с ребятами переглянулись.

Идиот он, что ли?

Глава первая

Я поднимаюсь на лифте на сорок четвертый этаж. Ненавижу Москва-Сити! Ненавижу высотки! Ненавижу этот шикарный вид из окна!

Ненавижу все, что пахнет деньгами!

Вы сейчас подумаете, что я бедная и несчастная – и поэтому завидую тем, кто на коне. Но нет. Я очень богатая, успешная и даже очень красивая.

Что же со мной не так? Вот это я сейчас и узнаю!

На сорок четвертом этаже принимает самый лучший психолог не только в Москве, но и на всем свете.

Он помог моей подруге, да и вообще – о нем говорят только хорошее, хотя он еще не покойник.

Зовут его Ремус Николаевич, и я очень надеюсь, что с его помощью смогу обрести мир и покой в душе. Ой, что-то я опять на траурном языке заговорила.

У лифта меня встречает его секретутка и проводит к кабинету. Эту встречу я ждала целых три месяца! Вот такая плотная запись у мэтра психологии. Я уже молчу, какую сумму я ему за это заплатила заранее. Но денег мне на это не жалко, лишь бы помог!

Секретарь распахивает передо мной дверь, и я захожу в кабинет размером с теннисное поле.

У огромного панорамного окна, лицом к нему, сидит мужчина.

Честно говоря, я ожидала, что он выше и крупней. В интернете полно его фоток, и на всех он выглядит как мачо. Сейчас же я вижу мужчину под пятьдесят, немного плотненького телосложения, с тусклыми волосиками и проглядывающей плешью. Писали, что он сделал пересадку волос, но, если честно, по виду и не скажешь.

Он поворачивается в кресле, и теперь я могу видеть его лицо. Тоже не фонтан! Немного раскосые глаза, тонкие губы ниточкой, мясистый нос. Все же фотки в интернете он явно фотошопит!

— Ада? Или Адель? Как лучше? — спрашивает он и даже не встает со своего огромного кожаного кресла.

Хотя о чем это я? Не мне его учить манерам! Главное, чтобы помог!

— Мне все равно, — холодно отвечаю я. — А вас как лучше называть – Ремус или Ремус Николаевич?

Хотела пошутить на счет Ребуса, но хорошо, что удержалась.

Вот такая у меня натура – везде надо постебаться! Во всем я ищу подвох!

— Можно просто Ремус, — отвечает он и указывает в сторону.

Только сейчас я замечаю невзрачную кушетку справа. За те деньги, которые он сдирает с пациентов, мог бы купить что-то получше: кожаную, как его кресло, и, например, белую, а не эту – цвета детской неожиданности.

Все же вслух я этого не говорю, прохожу к кушетке, сначала сажусь, а потом сразу ложусь, начиная рассматривать белый потолок.

— Я вижу, вы не в первый раз замужем, — хихикает он.

Шутник.

Замужем я еще не была, кстати, хотя мне уже за тридцать. А в кабинете у психолога, на что намекает Ребус, а именно так я его называю про себя, за последние полгода я была раз двадцать, не меньше.

И никто мне пока не помог. Я тщательно выполняла все задания, читала книги, которые они советовали, делала медитации.

— Итак, Ада, — он делает многозначительную паузу, на которую я никак не реагирую и даже закрываю глаза.

Шуток про то, что я Ада из ада, за свои тридцать с хвостом лет я наслушалась много, так что мне не привыкать. Ну что поделать, если мама меня так назвала? К совершеннолетию я поменяла свое имя на Адель, но все равно почти для всех осталась Адой.

— Итак, что вас ко мне привело? — спрашивает он.

У меня всего час, поэтому я не собираюсь больше играть с ним в кошки-мышки.

— Я очень богата, я очень успешна, и я боюсь все это потерять, — спокойно отвечаю я и добавляю: — Последние полгода у меня панические атаки почти каждый день. Я прошла сотню психологов, знаю всего Карнеги наизусть, но все равно боюсь...

— Я вас понял, — сразу отвечает мне Ребус.

Я приподнимаю голову и бросаю на него удивленный взгляд, который красноречиво говорит: «Что ты можешь знать об этом? Вот начнется у меня сейчас приступ – ты тут так спокойно сидеть не будешь! А начнешь искать для меня валерьянку или нашатырный спирт».

— Я знаю, что вам нужно, и гарантирую, что за месяц вы исцелитесь от своего страха.

Я присаживаюсь на кушетке.

Да, такого мне ни один психолог не говорил. Все обещали «поработать», «понаблюдать» и «посмотреть, что получится».

А вот так сходу – обещать? Даже гарантировать?

Это очень интересно!

— Слушаю вас, Ремус, очень внимательно.

— Вы можете взять отпуск на месяц? — Ремус Николаевич стучит концом карандаша об деревянный стол из мореного мамонта.

Мне так и хочется крикнуть: Отпуск? Отпуск, мать твою? Ребус, ты сейчас серьезно? Может, еще в Кисловодск меня отправишь?

Но вслух я только спрашиваю:

— На Мальдивы меня отправите? В этом году я там была уже два раза. Морской воздух вызывает во мне паническую атаку в два раза быстрее, чем московский.

— Вот и отлично, — кивает он и снова стучит по столу концом карандаша. — Не переживайте, вы будете находиться в Москве.

Это меня радует. Только зачем тогда брать отпуск?

— Правда, всем родным, друзьям и вообще любому человеку, с которым вы хоть раз здоровались, вы скажете, что уехали на Мальдивы на месяц, что не берете с собой телефон и общаться эти тридцать дней ни с кем не будете. Для надежности можете сдать все ваши телефоны мне и забрать... — концом карандаша Ребус водит по настольному календарю и продолжает: — второго октября. Как раз пройдет месяц.

Сегодня второе сентября. То есть он собирается начать прямо сейчас?

Глава вторая

Последующие пятнадцать минут Ребус мне объясняет, что надо сделать: прямо сейчас отправиться домой, написать всем друзьям и родным сообщения, что я уезжаю на месяц и буду недоступна, надеть на себя самую старую одежду, которую я только найду в доме, и ровно в десять вечера снова подняться в этот офис.

— Все телефоны вы оставите у меня, а сами пойдете гулять по городу и искать себе пристанище, — добивает он меня. — Все понятно?

— А сколько денег можно взять? — какого-то черта спрашиваю я.

Как будто я уже на согласилась на эту авантюру! Что за бред вообще? Мою подругу он лечил нормальным способом! Чем я заслужила такой ужас?

— Нет, нет, — отвечает Ребус резко, — ни денег, ничего вообще.

Я встаю с кушетки и все же спрашиваю:

— А вы уверены, что ваше, скажем так, очень странное задание мне поможет?

— Абсолютно! — громко произносит мэтр психологии и тоже встает.

Тем самым показывая, что мне пора закругляться.

Я удивленно смотрю на свои “ролексы” и вижу, что я тут всего двадцать минут, а заплатила за целый час!

Но возмущаться не готова.

Лучше покинуть этот кабинет гордо!

Я поднимаю подбородок вверх, так что не вижу пола, и выхожу!

Далее я спускаюсь в лифте на парковку, оплачиваю ее и сажусь в свой шикарный автомобиль. А там меня настигает очередной приступ. Я иногда чувствую его приближение. Другие люди говорят, что у них это происходит совершенно неожиданно, но я прямо слышу эти отвратительные шаги, и сердце начинает стучать часто-часто, пока и вовсе не переходит в сумасшедший ритм.

К этому нельзя привыкнуть. Мне каждый раз кажется, что я умираю. И хоть я прошла не только сотню психологов, но и обычных врачей, которые уверили меня, что от панических атак ещё никто не умер, мне все равно страшно, как в первый раз.

На этот раз хотя бы никто не видит моего позора. А три часа назад похожий приступ снова случился у меня в офисе, при подчиненных, на важном совещании. Да, жалко, что паническая атака не выбирает место и время для приступа.

Я поворачиваю на себя зеркало дальнего вида и смотрю в него. Бледная, как поганка, с виска катится пот, руки мокрые, как будто я только что их ополоснула в раковине, дрожь по всему телу и самое неприятное - чувство, как будто меня душат.

Все же, чтобы не потерять сознание, я быстро включаюсь в работу: вдыхаю на четыре счета и выдыхаю на два. Не всегда это помогает, к сожалению. Вот сейчас мое просчитанное дыхание - совсем ни о чем. Сердце как билось сумасшедшей птицей, так и бьется.

Тогда я хватаю бутылку воды и начинаю из нее хлебать. Иногда и этот трюк помогает, но тоже не в этот раз.

Паника все больше и больше накрывает меня.

Уже и жить не хочется, если честно.

Нет, все же, когда рядом хоть кто-то - мне легче. Сейчас же - совсем страшно. Дома у меня есть помощница Света, она живет у меня и помогает справиться с этим кошмаром.

Не в силах больше терпеть, я открываю дверцу машины и пытаюсь из нее выбраться. Ноги почти не держат. Зря я уволила водителя. Он бы сейчас мне помог хотя бы встать на ноги или отвез в скорую. Мне каждый раз кажется, что мои приступы все сильнее и сильнее, хотя Света говорит, что по времени они одинаковые.

Я облокачиваюсь на машину всем телом и снова делаю попытки правильно дышать. Кажется, мужчина на внедорожнике, который припарковался неподалеку, замечает мое состояние и спешит мне на помощь. Он поддерживает меня, что-то спрашивает и даже кричит прохожим: "Вызовите скорую, девушке плохо".

Ноги меня уже не держат, но он меня подхватывает и несет к себе в машину.

К счастью, я все еще в сознании, и мое сердцебиение возвращается к нормальному ритму.

– Мне лучше, – еле выговариваю я. – Спасибо за помощь. Еще пару минут, и приступ пройдет.

– Панические атаки? – спрашивает тогда мужчина.

Ему лет пятьдесят. Он даже чем-то похож на моего отца. Красивый. И пахнет от него так же. Деньгами.

– Да, – отвечаю я, – панические атаки.

– У меня есть очень хороший психотерапевт, – говорит он. – К нему трудно записаться, но...

Я перебиваю его:

– Я только что от него.

Мужчина удивленно смотрит на меня:

– Он вам не помог?

И что тут ответить? Что я ему не поверила? Или что я снова струсилась остаться ни с чем? Этот психотерапевт - он же как в воду глядел! Сразу же каким-то непостижимым способом увидел все мои страхи! Заглянул не просто в мою душу, а во всю мою жизнь!

– Он мне... обязательно поможет, – выдыхаю я, – я только начала лечение.

Глава третья

Этот прекрасный мужчина подвозит меня до дома. Я уже напряглась, вот сейчас он будет просить мой номер, но нет, незнакомец оказался просто небезучастным и добрым человеком.

Я поднимаюсь к себе, и сразу подбегает Света:

– Опять был приступ? Где?

Я машу рукой и сообщаю ей:

– В общем, так: я сейчас улетаю, телефон отключаю, вернусь через месяц.

– Ты шутишь? – она дергает меня за рукав.

– Нет. Пойдем, поможешь мне выбрать самую старую одежду.

Я иду в свою любимую огромную гардеробную и прохожусь взглядом по вещам. Все от кутюр. Самое старое тут - разве что костюм от Шанель, которому десять лет. Буду ли я смотреть в нем рядом с бомжами?

Все же я подхожу ближе к шкафу, достаю серый твидовый костюм с юбкой чуть выше колен. Я помню его очень хорошо! Я впервые видела эту коллекцию вживую, и это не просто твид - это какой-то неопределимый гибрид из переработанного и реконструированного материала, который затем был нанесен на тюль, чтобы создать наряд, который сразу стал культовым.

Деконструкция, обманка, коллаж, бриколаж — эта коллекция стала настоящим праздником художественных процессов. Я прикладываю костюм к себе, смотрю в зеркало и погружаюсь в ту атмосферу. Я уже в Париже!

— Ада! — возвращает меня в Москву Света. — Что с тобой?

— Не модный, да? — кривлюсь я.

— Пусть простит меня Лагерфельд, но этот костюм сейчас не наденет даже бомж.

Я смеюсь. Ну вот, наряд готов! Теперь надо прихватить с собой куртку - в октябре уже будет холодно, ну и к этому костюму подойдут старые лабутены.

Света все же явно не верит мне:

— Когда ты вернешься с этого маскарада?

Я подхожу к ней ближе, беру ее лицо в свои ладони:

— Светуль, послушай меня сейчас очень внимательно! Я вернусь ровно через месяц. До этого времени, пожалуйста, не надо обзванивать и посещать все морги и больницы Москвы.

Ее безумные глаза смотрят в мои, и ее руки уже вцепились в мои. Она уже готова кричать: “Не пушу”, но я быстро продолжаю:

— Меня пригласили на закрытый проект. Я не могу сказать, куда.

— По работе? — еле слышно пищит она.

Тут врать я не хочу:

— Личностный рост.

Она закатывает глаза:

— Господи, чего еще ты хочешь добиться в этой жизни?

Я ее немного встряхиваю:

— Все, Свет! Это мое решение. Ты остаешься за старшую не только на работе, но и дома.

Буду третьего октября.

Я отпускаю ее, но подруга мотает головой, указывает на мою одежду и спрашивает:

— В таком виде тебя точно примут?

Я смеюсь:

— Но-но-но! Шанель, он и через десять лет Шанель!

Хочется добавить про Африку, но и там люди живут, сама лично видела!

Через час я снова в кабинете Ребуса Николаевича.

Он осматривает меня, как лошадь до забега. Хорошо хоть в зубы не заглядывает.

— То есть это — самая старая одежда в вашем гардеробе? — спрашивает он, снова постукивая карандашом по столу.

Так и хочется отобрать у него этот карандаш!

— Вообще-то это коллекция четырнадцатого года, — парирую я.

— Какого века? — на полном серьезе интересуется он.

— Этого, естественно, — поражаясь его неосведомленностью, отвечаю я.

— А вы должны были прийти в чем-то из четырнадцатого года прошлого столетия! — уже грубит Ребус.

— Тысяча девятьсот четырнадцатого года? — уточняю я, но мэтр молчит и как-то странно смотрит на меня.

Мне бы уже заткнуться, но нет:

– Возможно, вы этого не знаете, но к четырнадцатому году прошлого столетия одежда утратила жесткие индивидуальные черты этой эпохи, а с легкой руки великого модного гения Поля Пуаре женщины освободили себя от необходимости носить узкие и крайне неудобные корсеты, которые, кстати, приводили их к необратимым последствиям для здоровья.

По застывшей позе Ребуса и карандаша, который повис в его пальцах, я понимаю, что и этот врач сейчас скажет, что нам надо много работать.

Я запахиваю элегантный болоньевый пуховик от “Макс Мара” и расставляю руки в стороны. Мол, ну хорошо, вот, моего наряда не видно, доволен?

– Да что я вообще парюсь? – отмирает Ребус. – Идите в чем хотите! Давайте сюда вашу сумочку и выверните карманы. Я должен быть уверен в том, что там ничего нет.

Я подхожу к его столу, ставлю свою любимую сумочку от “Hermes” и с силой хлопаю ладонями по карманам:

– Нет ничего!

– Все, – указывает он мне на дверь, – встретимся второго октября!

И только я поворачиваюсь и даже делаю шаг в сторону двери, как он говорит:

– Подождите! Подойдите ко мне.

Я как юла кручусь и вижу, что Ребус уже стоит у окна. Когда успел встать? Пока я в ступоре торчала?

Я послушно плетусь к нему. В руках у мэтра психологии всё тот же карандаш, и он тычет им в панорамное окно:

– Видите там лавочку на набережной?

Я киваю.

– Через три дня, в субботу ровно в семь вечера помашите мне рукой, хорошо?

Я дергаю плечами и соглашаюсь:

– Хорошо.

Затем я выхожу из его кабинета, спускаюсь вниз и выхожу на набережную.

Ну и куда же мне идти сейчас?

Глава четвертая

Я просыпаюсь от яркого солнечного света. Снова не услышал будильник! Снова опоздаю на совещание. Никак не могу наладить свою жизнь!

Вот как семь лет назад она разбилась на мелкие осколки, так я и не могу их собрать. Что-то хожу, делаю, иногда даже смеюсь, а толку? В душе пустота!

Я сажусь на кровати, беру с тумбочки смартфон и набираю секретаршу:

– Катя, доброе утро, пусть Костя проводит совещание без меня.

– Хорошо, Андрей Николаевич, вас когда ожидать?

– Скоро буду, – рычу я, отключаю звонок и просматриваю свое расписание.

После обеда два совещания, а в шесть – ужин с Ремусом.

Он – психотерапевт и мой хороший друг, очень известный в московских кругах, ведет светский образ жизни, пишет сценарии для сериалов. Страшно умный мужик!

Семь лет назад от меня ушла жена – и ушла к моему лучшему другу. Без выяснений, без обвинений. Просто собрала вещи, сказала, что любит другого, и ушла.

Они сразу уехали за границу. Хоть не маячили перед глазами, и то хорошо.

Я приходил в себя два года, искал причины, копался в душе, потом решил плюнуть на все и жить дальше.

Только любая новая связь заканчивалась разрывом.

Я считал и сейчас считаю, что жена ушла от меня к другу, который тогда был более успешней, состоятельней. Только я за те два года очень хорошо поднялся. Во мне кипела обида, которая на какое-то время переросла в бурную энергию и подняла меня на совсем другой уровень.

Сейчас я намного круче бывшего друга: у меня и отлаженный бизнес, и квартира, и дом на Рублевке. Только вот в личной жизни беда...

Мне все в женщинах кажется фальшивым! А одна из последних моих пассий, которая оказалась обеспеченной, сказала мне по секрету, что если женщина самодостаточная и умная, то ей мужчина вообще не нужен, а если нужен, то только как любовник!

Вот и получается, что если женщина ограничена в финансах, то мужчина для нее - банкомат! А если обеспечена, то мужчина ей нужен только для секса или не нужен совсем.

Кое-как проработав в офисе день, я радуюсь тому, что вечером смогу поужинать в компании не просто друга, но и прекрасного собеседника.

Мы болтаем обо всем на свете. Наша любимая тема - про оружие и охоту, но в этот раз, когда я снова завожу разговор, что моя личная жизнь по тому же маршруту полетела в тартарары, он просит:

– Расскажи мне о последней девушке в твоей жизни.

Я киваю:

– Пожалуйста. Ее звали Виолетта, ей двадцать два. Блондинка, глаза голубые...

Друг меня перебивает:

– Так, стоп! Меня интересуют отношения. Хотя тот факт, что тебе тридцать пять, а ей двадцать два - мне уже не нравится. Тебе с ней наверняка скучно, но давай, продолжай про отношения. Что тебе не понравилось или не подошло – и вы расстались?

– Наш с ней роман закончился через три дня словами Виолетты: “Я тебя люблю!” Сказала она это с придыханием, распахнув свои прекрасные голубые глаза.

Ремус смотрит на меня молча с минуту, потом спрашивает:

– Ты ей не поверил?

– Конечно, я ей не поверил! – нервно комкая салфетку, я бросаю ее на стол. – Потому что, я услышал не “Я тебя люблю”, а “Дорогой лох, я так рада, что использую тебя для своей выгоды!”. Не знаю, возможно, я преувеличиваю, или у меня паранойя, но я все чаще прихожу к выводу, что мне лучше быть одному. Хотя, если честно, меня уже тошнит от одиночества! Я семь лет один! И берегов не видно.

Ремус щурится.

– Значит, она тебя использует. А в чем ты увидел ее выгоду?

– Да я как раз тогда только сказал, что на следующей неделе лечу в Париж и могу ее взять с собой.

Ремус кривится:

– Да, просто немного глупая девчонка, могла бы и промолчать. Но почему ты не рассматриваешь вариант, что она и правда могла в тебя влюбиться?

– После слов о Париже? – с удивлением смотрю я на друга.

Он отрезает кусочек от стейка и отправляет его в рот.

– Почему ты не хочешь помочь мне? – уже не в первый раз задаю я этот вопрос Ремусу.

– Потому, что ты мой друг! – рычит он.

– И что? – не сдаюсь я.

– Да не будешь ты меня слушать! У меня нетривиальные подходы к проблеме! С тобой – я друг! Хороший друг! Я дорожу нашими отношениями. А как психотерапевт - я аморален! Я должен быть аморален, чтобы мне открывались другие люди. Мораль - это общественные правила. Провокативный метод идет с ними вразрез.

– Ну тогда вот что. Я буду тебя слушать и обещаю сделать все, что ты скажешь.

Ремус вытирает белой салфеткой рот, откидывается на спинку стула и смотрит на меня.

Он вообще мало говорит, в основном слушает меня. Получается, что даже в дружбе он ведет себя как профессионал. Но когда он смотрит на меня вот так, как будто сканирует, мне хочется укрыться или сбежать.

– Давай так, - говорит он мне и легонько хлопает ладонями по столу. – Я говорю, что тебе делать, даю на это три недели. Если ты выполнишь мое задание - мы пожимаем друг другу руки. Если ты откажешься выполнить или даже согласишься, но через пару дней передумаешь, короче говоря, не выдержишь три недели - ты даришь мне своего “мерина”.

– Я его только купил! – возмущаюсь я. – Даже недели не прошло!

– Значит, у тебя будет замечательный мотив выполнить мое задание, – улыбается Ремус и складывает руки на груди.

Я прищуриваюсь:

– А если я выполню, но тут, – я стучу двумя пальцами по голове, – ничего не изменится, и проблемы с женщинами у меня продолжатся?

– Но-но! У меня стопроцентный результат! – говорит он грозно и делает такое лицо, как будто я его обвинил в чем-то ужасном.

Самое страшное, что я-то знаю, что он профи. И я решаюсь:

– По рукам. Что надо делать?

– Быть завтра в моем офисе ровно в семь. Можешь прийти на пять-десять минут раньше, но опаздывать нельзя.

– Я буду вовремя, – уверяю его я, и у меня моментально повышается настроение.

У моего друга действительно стопроцентный результат! А значит, очень скоро я буду счастлив!

Глава пятая

И вот я на набережной. Хоть уже и поздно, но жизнь тут кипит: гуляют парочки, катаются на самокатах, по речке плывут кораблики, где счастливые люди ужинают и обнимаются.

А я брежу и думаю о том, какая же я дура.

Вот куда я иду? У меня ни копейки в кармане. Но, если честно, пугает меня совсем другое! Нет, не то, что со мной может снова случиться приступ! Меня пугает, что у меня нет телефона, а без этого гаджета современное поколение, к которому я себя причисляю - как без рук!

Знала бы заранее план Ребуса - подготовилась бы. Просмотрела бы в интернете ночлежки для бомжей, да и есть очень хочется!

Последний раз я ела в обед, потом гоняла к Ребусу и назад, и вот почти одиннадцать, а где я буду спать, что я буду есть - непонятно.

Хорошо, что осень в этом году теплая, и мне даже жарко, а еще замечательно, что я знаю Москву. И мне приходит идея пойти на вокзал. Самый ближайший - Киевский. Может, там я переночую, потому что уже давно клонит в сон.

До вокзала я добирюсь за полчаса, перроны пустые, и я захожу внутрь. Раньше в районе вокзалов пахло угольным дымом, словно что-то все время горело, но сейчас этот запах почти не ощутить.

А вот внутри все немного по-другому. Последний раз я путешествовала на поезде с мамой, мне тогда было десять лет. Потом мама заболела, и, кажется, с тех пор я больше не железнодорожных вокзалах и не была.

Я прохожу внутрь зала и сразу же сажусь на свободное кресло. Людей немного, я внимательно рассматриваю их и понимаю, что это, скорее всего, пассажиры, которые ждут своего поезда. Заводить с ним разговоры - бесполезно. Они могут в любую секунду сорваться, а мне нужно найти друзей.

Я выхожу из зала ожидания, потом на улицу, спускаюсь с широкого крыльца и обхожу здание. К моему счастью, на лавочке тихо сидят трое мужчин и одна женщина. Одежда у них потрепанная, они едят то ли чебуреки, то ли беляши. В общем, что-то очень жирное.

Я с минуту колеблюсь. Да, снова хочется послать Ребуса в лес по грибы, но не в этот раз. Я собираю всю храбрость в кулак и подхожу к ним.

Сначала кажется, что все они одного пожилого возраста, но, как оказывается через пару минут, одному лет сорок, второму пятьдесят, а вот третий – действительно старик. У женщины глубокие морщины, и она очень полная, но глаза ясные и даже немного злые.

– Я попала в затруднительную ситуацию, – говорю я спокойно и стараюсь смотреть на каждого. – Вы не будете против, если я присоединюсь к вашей компании?

Самый молодой из них вскакивает и предлагает свое место, хотя на лавочке его и без этого полно.

– Мадам, мы всегда рады помочь! – в одной руке у него чебурек, и он машет им, указывая, где следует присесть.

Меня уговаривать не надо, я присаживаюсь, а мужчина подхватывает пакет и протягивает мне:

– Мадам, прошу вас отобедать с нами.

Еда в голубом пакете выглядит неважно, а вот пахнет божественно! Я просовываю руку и достаю оттуда еще горячий чебурек.

– Рома, сдается мне, что это мадемуазель! – поправляет его второй мужчина.

Третий, старичок, улыбается и молчит. А вот женщина сверлит меня глазами, и если бы она умела убивать взглядом – я бы уже померла.

– Я прав? – не сдается второй.

Я киваю:

– Да, я еще не замужем.

Кажется, женщина все же умеет убивать взглядом, так как я откусываю резиновое, но очень вкусное тесто и сразу же давлюсь этим несчастным кусочком.

Роман стучит мне по спине и при этом улыбается во весь свой практически беззубый рот. Старичок протягивает мне бутылку воды, и не какой-нибудь, а “Боржоми”.

– Как тебя зовут-то? – спрашивает он.

Его голос теплый. У меня не было дедушки, но этот мне очень нравится. Улыбка у него добрая, хоть и тоже почти беззубая.

Отвечать ему, что я Ада из ада, язык не поворачивается, поэтому я решаю представиться именем моей подруги:

– Света.

Я скручиваю пробку у бутылки и чуть обрызгиваю себя водой.

– А вот и первый осенний дождь, – шутит молодой и представляет всех: – Я – Роман, это Гена, дед Валера и Оля.

Я киваю, делаю пару глотков из бутылки и спрашиваю:

– А где вы спите? Есть же в Москве какие-то приюты, где можно спрятаться от холода? Да, сейчас тепло, но, например, зимой?

– Конечно, есть! – отвечает Роман. – Может, видела сиреневые автомобили “Социальный патруль”? Они и сейчас могут нагрянуть.

– И заберут нас? – удивляюсь я. – А куда?

– Нет, они, в основном, добрые, обходят, предлагают согреться, у них можно чай-кофе выпить, покормят. Вот этот свитер дала мне очень симпатичная Арина – их социальный работник. Предлагают поехать в Центр социальной адаптации. Но делать там нечего. Скукота! – произносит Роман по слогам.

– Если тебе документы надо восстановить или справедливость, то лучше обратиться в службу помощи на Николоямской, – снова негромко объясняет дед Валера.

– Нет, мне ничего не надо. Мне просто нужна компания, – уверяю его я, но быстро поправляюсь: – мне просто нужны друзья.

Дед улыбается:

– Это ты по адресу. Если мы что-то и умеем делать, то это дружить.

Я откусываю еще один кусок от чебурека и аккуратно поднимаю взгляд на Олю. Так ведь, вроде, ее представил Роман? Она замечает и куксится:

– Я тебе не верю! Прислали что-то выпытать у меня, да?

Чебурек застревает в горле, а через секунду Оля нависает надо мной:

– Кто тебя послал, шалава, а?

Глава шестая

И прихожу в офис друга раньше на пятнадцать минут.

Ремус просит секретаршу приготовить нам чай и открывает коробку конфет. Я знаю, что это его слабость - даже в ресторане он спрашивает конфеты или шоколад на десерт.

– Ну что? – радостно произношу я. – Я готов и, скажу честно, я в большом предвкушении!

Ремус усмехается, подходит к окну, но сразу снова плюхается на стул.

– Значит так. Расклад такой: у тебя три недели, и все, что тебе надо сделать - очаровать женщину, – друг скрещивает пальцы и кладет их на грудь.

– Любую? – кривлюсь я.

– Нет, конечно! - Ремус смотрит на меня, как на идиота. – Особенную женщину. Даже девушку.

– То есть ты мне укажешь, какую именно, да? – произношу я, уже чувствуя подвох.

Он кивает и хитро улыбается.

– А если она замужем? А если она страшная как атомная война? А если...

Ремус перебивает меня:

– Давай без союзов! Ты просил меня помочь. Я тебе гарантирую стопроцентный результат! Все!

Я вздыхаю и повторяю:

– Стопроцентный результат, значит? А как я пойму, что ты его добился?

– Ты почувствуешь себя счастливым. Ты ведь этого хотел? – Ремус хмурится. Я вижу, что друг уже нервничает. Действительно, сам просил, а сейчас начинаю давать заднюю. Другие по полгода в очереди стоят, чтобы только попасть к нему на прием, а меня он принял с одной просьбы. Нет, мне, конечно, страшно. Вдруг он мне сейчас прикажет очаровать старого крокодила? Хотя нет, он же сказал, что она - девушка.

– Очаровать - это как? Можно поподробнее? – прошу я.

– Вот как тебе последняя блондинка сказала “Я тебя люблю!”, так и эта, которую я дам, должна распахнуть свои... прости, я не знаю, какого цвета у нее глаза, и сказать: “Я тебя люблю!”.

Мне все меньше нравится эта глупая затея.

Влюблять в себя девушку, обманывать ее... неужели я и правда буду после этого счастливым?

Но отказываться я тоже не готов! Если решил и пришел сюда - то пойду до конца!

– Давай имя, фамилию – или что ты там собираешься мне дать? Фото?

Ремус смеется, встает, снова подходит к окну и подзывает меня:

– Иди сюда.

Я встаю и смотрю в ту сторону, куда, вроде, смотрит он. Но с сорок четвертого этажа все люди кажутся муравьями.

– Вон, видишь, сидят на скамейке люди? – Ремус тычет пальцем в окно.

Я присматриваюсь. Действительно, сидят человека четыре, вроде.

– Спускайся прямо сейчас вниз, выходи на набережную, и если там есть девушка - начинай ее очаровывать.

– А если нет? – удивляюсь я.

Нет, ну я просто удивляюсь! Поражаюсь! Что это за задания такие? Интересно, он всех так лечит? Тогда удивляюсь, что его еще никто не побил!

– Мне видится там девушка. Я могу, конечно, ошибаться, но все же мне кажется, что вон там, в яркой шапке - девушка, – шурится великий психотерапевт.

Мне хочется его стукнуть! Если бы я так решал в офисе вопросы: вроде, кажется, могу ошибаться, то никогда бы не достиг успеха.

– Короче, если там нет девушки - я возвращаюсь сюда, или что? – уже рычу я.

– Иди уже, а? – раздраженно смотрит на меня Ремус.

Я разворачиваюсь и огромными шагами несусь из его огромного кабинета. Выхожу и практически бегу к набережной. Приближаясь, уже точно вижу, что на лавочке сидит девушка. На ней шапка, куртка, сегодня уже чувствуется осень и похолодало, а рядом с ней сидят... бомжи.

Бомжи???

Я оборачиваюсь и смотрю на окна высотки. Найти бы окно Ремуса и показать ему фак!

Интересно, он знал, что тут кучкуются бомжи?

Хотя нет, вряд ли! Оттуда таких подробностей точно не видно.

Я подхожу чуть ближе и слышу их разговор. Рассказывает мужчина в синей с дырками куртке:

– Полночь на кладбище. Из могилы раздаются жуткие звуки. Отряхиваясь, наружу вылезает скелет и стучится в соседнюю:

– Гоги, слющай, выходы, пайдем па Москве погуляем, шашлык покушаем, вина выпьем, да? – мужчина говорит с акцентом и при этом жестикулирует. – Из второй могилы выкарабкивается скелет Гоги, и они вразвалочку направляются к выходу. Вдруг Гоги стучит себя костяшками по черепу, бежит к могиле и взваливает на спину могильную плиту. – Вах, дорогой, зачем плита тащишь?

– Э-э, Генацвале, нельзя нам по Москве бэз документов!

Девушка почему-то с этого анекдота не смеется, а два других мужика ухахатываются.

– Ничего, – успокаивает девушку второй бомж, – скоро ты сама приколешься, что без документов ты не человек!

Я подхожу еще ближе и становлюсь прямо напротив девушки.

Она не похожа на бомжиху. Совсем. У нее хорошая одежда, правда немного старомодная, светлые глаза, самое главное – чистая кожа, совсем не как у ее соседей, и взгляд...

Не могу объяснить. Глубокий? Цепкий? Выразительный? Да, все вместе. Только вот смотрит она на меня так совсем недолго, а потом почему-то резко отводит взгляд. Как будто это я бомж, а она сидит рядом с министрами или президентом.

— Привет. Нужна помощь? – спрашиваю я.

Девушка и ее кавалеры поднимают на меня четыре пары глаз. Недобрых, кстати.

— Мне кажется, что ты попала в затруднительную ситуацию, — произношу я как можно мягче.

— У нас все хорошо, чувак! — самый молодой из бомжей встает и подходит ко мне почти вплотную.

Так, что я чувствую очень неприятный запах.

— Я не тебя спросил, а девушку! – рычу я.

— А я за нее отвечаю! Это моя невеста! — выдает этот мужик.

Я резко перевожу взгляд на девушку и понимаю, что тот врет. Она явно в шоке.
— Ладно, ребят, я вот что хочу предложить: а не пригласить ли вас в ресторан?

Глава седьмая

Всегда что-то случается впервые.

Вот и меня бомжиха Оля обозвала шалавой.

Ссориться с ней не хочется, и я просто спокойно поднимаю на нее взгляд и спрашиваю:

— В чем твоя проблема?

— Тебя кто-то подослал, да? — Оля надвигается на меня, но Роман загораживает ей путь.

Сейчас я могу наблюдать только его старые лоснящиеся штаны и синюю грязную куртку.

— Оль, никто за тобой не следит... — приходит другу на помощь Геннадий.

— Ты на хер никому не сдалась, еще следить за тобой!

Оба мужика оборачиваются ко мне и, перебивая друг друга и жестикулируя, объясняют:

— У нее кукушка повесилась, ее в дурку три раза забирали, у нее мания преследования и везде мерещится вселенский заговор.

Оля с досады топает ногой, отталкивает Рому и убегает.

— Вернется, — беззаботно машет рукой Гена.

Я дожевываю чебурек и спрашиваю:

— А где вы ночевать будете?

Мужики переглядываются, как будто еще и сами не знают, где, и дед Валера говорит:

— Скорей всего, в подъезде. Но, может, и в приют поедет. Хочешь с нами?

Я мотаю головой. Ночевать с ними я точно не собираюсь, пора и честь знать. Я встаю:

— Нет, спасибо. Где вас найти завтра?

— Да кто знает? Мы ничего не планируем, — разводит руки в стороны Рома. — А тебе что, надо завтра составить компанию?

Я киваю:

— Да, мне на встрече надо быть, а защитников нет. Пойдете со мной?

— Конечно, — отвечают они хором.

— Тогда давайте завтра в шесть на мосту напротив Белого дома?

— Утра? — интересуется Гена.

— Вечера.

— Хорошо, будем как штыки! — улыбается Рома.

Я еще раз благодарю их и быстренько ухожу в сторону набережной.

Нормальные мужики, кстати, неприятный запах от них исходил, конечно, но терпимый.

Я дохожу до Бородинского моста и застываю, не зная, куда идти дальше.

Может, мне тоже где-то в подъезде переночевать? Или вернуться на вокзал? Там сидения неудобные, да и спать на виду не хочется. А клонит уже.

Я пытаюсь прислушаться к себе. Само то, что приступов пока не было и, кажется, не предвидится, говорит о том, что я на верном пути. Да и вообще, то, что я сейчас куда-то иду пешком одна — рождает давно забытое, но приятное чувство.

Последние десять лет я куда-то бежала, спешила, приходила домой и падала в постель как убитая, а утром — новая гонка, и даже просто пройтись пешком у меня не было ни времени, ни желания. А ведь это здорово! Можно шагать и думать обо всем на свете. А еще можно вспоминать. Например, самые прекрасные моменты! Сразу всплывает в памяти, как мы на поезде, а потом на автобусе добирались до бабушки.

Мимо как раз проносится электробус, и мне приходит идея покататься на нем. Ночью вряд ли есть контролеры, ну а если даже и будут — им с меня нечего взять. Заметут в полицейский участок? А что, тоже интересный опыт. Скажу, что ничего не помню. Поместят в больницу? Тоже выход — там койку дадут и кормить будут.

От своих мыслей мне смешно, и я, запрокинув голову, смеюсь.

На Смоленке я сажусь в первый попавшийся автобус, плюхаюсь у окна и смотрю на ночную Москву.

Все же этот Ребус – гений! Хороший квест он мне придумал, и я чувствую, что мне уже лучше.

Не могу объяснить, что именно действует. Я уже была бедной. Очень бедной. Мы с больной мамой еле сводили концы с концами. Мне было двенадцать, когда она заболела и почти сразу слегла, и все обрушилось на мои плечи. Я мыла подъезды, раздавала на светофорах флаеры, выгуливала чужих собак, работала курьером и... всю жизнь потом боялась, что это время когда-то повторится.

Мы очень скудно питались, вернее, все самое вкусное и полезное я пыталась дать маме, а сама...

Почему-то только сейчас до меня доходит, что то время было прекрасным. У меня была мама! Мама у меня была! Разве хотя бы этот факт не дарит счастья? Почему-то только сейчас я понимаю, что если бы предложили отдать все, что у меня есть, за то, что мама окажется живой - я бы ни секунды не сомневалась!

Я улыбаюсь своему открытию. Это же надо! Спустя почти двадцать лет до меня дошло, что то время не было самым ужасным. Оно было очень тяжелым, да, но и прекрасным!

И сейчас мне тоже хорошо. По-другому, конечно, не так, как в детстве, но нет тяжести, которая тянула буквально вчера. Я не думаю о работе. Возможно, потому, что знаю - Света со всем справится и не подведет. Но мне и не хочется думать о делах. У меня сейчас лёгкая голова. Я бы сказала - пустая, но мне нравится мое состояние.

Покатавшись пару часов по Садовому кольцу, я понимаю, что лучше все-таки переночевать на вокзале. В этот раз я выбираю Ленинградский, с трудом, кстати, нахожу свободное сиденье в самом углу и сразу же засыпаю.

Утром у меня ломит тело и болит голова. Вот что значит не люксовый матрас! Еще очень хочется есть, и настроение, как ни странно, боевое, в ожидании подвигов.

Не мешкая ни секунды, я выхожу из вокзала и подхожу в шаурмечной. Я третья в очереди, передо мной мужчина в костюме. Да, материал простенький, и барсетку крутые бизнесмены не носят, но думаю, что сто рублей он для меня найдет.

Я аккуратно хлопаю его по плечу, и он оборачивается.

– Простите, пожалуйста, я попала в затруднительное положение и очень голодна. Не могли бы вы мне купить шаурму или дать сто рублей?

Он моргает, внимательно рассматривает меня и кивает.

Я замечаю у него на пальце обручальное кольцо. Хорошие новости - приставать не будет, - думаю я, но ошибаюсь.

– Что мне за это будет? - спрашивает он, когда расплачивается и протягивает мне огромную шаурму в пакете с салфеткой.

Я ее сразу же принимаю, так же аккуратно хлопаю его по пиджаку и говорю:

– Наверное, что-то будет, но вряд ли то, чего тебе хочется.

Не дожидаясь его реакции, я быстрым шагом спешу на остановку.

Весь день я гуляю по Москве и надеюсь, что мои вчерашние друзья придут меня поддержать. Я же должна помахать Ребусу. Только сначала надо найти его этаж.

Мои вчерашние друзья меня уже ждут, и мы вместе отправляемся на лавочку напротив башни Ребуса.

– У тебя стрелка, что ли? – снова интересуется Роман.

– Да, ровно в семь должен прийти человек и передать мне деньги, – нагло вру я.

Мы усаживаемся на лавочку, мужчины угощают меня конфетами и хот-догом, я ищу глазами сорок четвертый этаж, но понимаю, что это бесполезно. Хорошо, что у деда Валеры

есть часы, и ровно в семь я начинаю махать руками куда-то в сторону башни. Друзья, кажется, начинают понимать, что я не зря осталась без крова и денег, а Генка даже спрашивает:

– Давно у тебя это началось?

Я не хочу знать, что именно.

– Уже год, – продолжаю врать я.

– В дурке лежала? – продолжает интересоваться он моим анамнезом.

– Два раза, – не краснея, выдаю я.

И тут же думаю про приступы. Ну вот, если вдруг нагрянут - то я и не вруша совсем!

Чтобы хоть как-то перевести тему, я прошу их рассказать анекдот, и они легко принимают соревноваться друг с другом в остроумии и хохочут.

Но тут как черт из табакерки передо мной появляется мужчина в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.